

Руссо Жан Жак

Исповедь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ж27

Ж27 **Жан Жак Р.**
Исповедь / Руссо Жан Жак – М.: Книга по Требованию, 2022. – 591 с.

ISBN 978-5-519-84056-9

Заглавие оригинала: Les confessions, Пер. также под заглавием: Исповедание
Жан Жака Руссо, уроженца и гражданина женевского

ISBN 978-5-519-84056-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Во время его отсутствія, красота, умъ и таланты моей матери привлекли къ ней обожателей. Де-ла-Клозюръ, французскій резидентъ, былъ изъ числа самыхъ жаркихъ поклонниковъ. Должно быть, его страсть была очень сильна, потому что даже по прошествіи тридцати лѣтъ, онъ, говоря со мною о моей матери, былъ очень растроганъ. Защитою ей послужила не только добродѣтель, но и нѣжная любовь къ мужу. Она торопила его вернуться: онъ бросилъ все и воротился. Я былъ печальнымъ плодомъ этого возвращенія. Десять мѣсяцевъ спустя, я родился хилымъ и больнымъ. Я стоилъ жизни моей матери и рожденіе мое было первымъ изъ моихъ бѣдствій.

Не знаю, какъ перенесъ отецъ эту потерю, но знаю, что онъ никогда въ ней не утѣшился. Во мнѣ онъ видѣлъ образъ моей матери, не будучи въ состояніи забыть, что я отнялъ ее у него. Когда онъ обнималъ меня, я чувствовалъ, что къ его вздохамъ и судорожнымъ объятіямъ всегда примѣшивалось горькое сожалѣніе. Но тѣмъ нѣжнѣе были его ласки. Когда онъ говорилъ мнѣ:—Жанъ-Жакъ, поговоримъ о маменькѣ,—я отвѣчалъ: чтожъ, батюшка! значить, мы будемъ плакать!—и уже одни эти слова извлекали у него слезы.—О!—говорилъ онъ, глубоко вздыхая—возврати мнѣ ее, утѣшь меня въ ея потерѣ, наполни пустоту, оставленную ею въ душѣ моей. Развѣ я любилъ-бы такъ тебя, еслибъ ты былъ только моимъ сыномъ?—Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ ея смерти, онъ умеръ на рукахъ своей второй жены, но съ именемъ первой на устахъ и съ ея образомъ въ глубинѣ сердца.

Таковы были виновники моихъ дней. Изъ всѣхъ даровъ, которыми надѣлило ихъ небо, они оставили мнѣ только чувствительное сердце; но для нихъ оно было источникомъ счастія, а для меня сдѣлалось главною причиною всѣхъ моихъ бѣдствій.

Я родился почти умирающимъ и мало было надежды, что я останусь въ живыхъ. Во мнѣ и тогда уже былъ зародышъ болѣзни, которую годы усилили ¹⁾ и которая теперь даетъ мнѣ по временамъ отдыхъ лишь для того, чтобъ причинять мнѣ другія, болѣе жестокія страданія. Одна изъ сестеръ моего отца, дѣвушка добрая и умная, такъ усердно ходила за мною, что спасла меня отъ смерти. Она еще жива въ ту минуту, когда я пишу эти строки и восьмидесяти лѣтъ отъ роду ходитъ за своимъ мужемъ, который моложе ея, но разслабленъ отъ употребленія спиртныхъ напитковъ. Милая тетушка! я прощаю вамъ то, что вы заставили меня жить, и сожалѣю, что не могу, на закатѣ вашихъ дней, воздать вамъ за всѣ нѣжныя попеченія, которыми вы окружали меня при

¹⁾ Онъ страдалъ почти постояннымъ задержаніемъ мочи, причиненнымъ органическимъ разстройствомъ мочевого пузыря.

началъ моихъ ¹⁾. Моя няня Жаклина тоже жива, бодра и здорова. Руки, открывшія мнѣ глаза при рожденіи, могутъ закрыть ихъ въ минуту смерти.

Я началъ чувствовать прежде, чѣмъ сталъ думать; это общая участь человѣчества. Я испыталъ ее болѣе, чѣмъ кто-либо другой. Не знаю, что дѣлалъ я до пяти или шести лѣтъ, не знаю какъ выучился читать; помню только о томъ, что я читалъ въ первое время, и о впечатлѣніи, которое производило на меня это чтеніе; въ это-то время пробудилось во мнѣ сознаніе самого себя, продолжавшееся съ тѣхъ поръ непрерывно. Послѣ моей матери остались романы: мы стали читать ихъ съ отцомъ послѣ ужина. Сперва дѣло шло только о томъ, чтобъ упражнять меня въ чтеніи при помощи занимательныхъ книгъ, но скоро интересъ до такой степени усилился, что мы по очереди стали читать безъ отдыха и за этимъ занятіемъ проводили дѣлыя ночи. Мы оставляли книгу только тогда, когда оканчивали томъ. Бывало, отецъ, заслышавъ утромъ пѣніе ласточекъ, говорилъ со стыдомъ: пойдемъ спать! я больше ребенка чѣмъ ты!

Съ помощью такой опасной методы, я въ короткое время приобрѣлъ не только большую способность легко читать и понимать себя, но и необыкновенное въ моемъ возрастѣ умѣнье понимать страсти. Я еще не имѣлъ никакого понятія о вещахъ, когда уже всѣ чувства были мнѣ знакомы. Я ничего не постигъ, но все перечувствовалъ. Эти смутныя волненія, которыя я ощущалъ одно за другимъ, не искажали разсудка, котораго во мнѣ тогда еще не было; но онѣ образовали во мнѣ способность разсуждать совѣмъ иного рода и дали мнѣ о жизни человѣческой странныя и романическія понятія, отъ которыхъ никогда не могли излечить меня вполне ни опытъ, ни размышленіе.

—1719—1723 г.—Чтеніе романовъ кончилось съ лѣтомъ 1719 года. Въ слѣдующую зиму началось другое. Библіотека моей матери истощилась; мы прибѣгнули къ той части бібліотеки отца, которая перешла къ намъ по наслѣдству. Къ счастью, тамъ нашлись хорошія книги; иначе впрочемъ и не могло быть, потому что она была составлена хотя и священникомъ, но человѣкомъ съ умомъ и вкусомъ. Исторія церкви и имперіи Лесюэра, Рѣчь о всемірной исторіи Боссюэта, Знаменитые люди Плутарха, Исторія Венеціи Нани, Превращенія Овидія, Ла-Брюйеръ, Міры Фонтенея, его Разговоры Мертвыхъ и нѣсколько томовъ Мольера были

¹⁾ Эту тетку звали г-жа Гонсерю. Въ мартѣ 1767 г., Руссо одѣлалъ ей изъ своихъ доходовъ пожизненную ренту въ 100 ливровъ и даже находилъ въ самомъ критическомъ положеніи, выплачивалъ ей всегда эту сумму съ безупречною аккуратностью.

перенесены въ кабинетъ отца, и во время его работы я читалъ ихъ ему каждый день. Я почувствовалъ къ нимъ рѣдкую и, можетъ быть, необыкновенную въ этомъ возрастѣ склонность. Особенно Плутархъ сдѣлался моимъ любимѣйшимъ предметомъ чтенія. Удовольствіе, испытывавшееся мною каждый разъ, какъ я перечитывалъ его, вылечило меня немного отъ страсти къ романамъ, и скоро я предпочиталъ Агезилая, Брута, Аристиду—Орондату, Артамену и Ювѣ. Эти-то занимательные книги и разговоры, происходившіе по поводу ихъ между моимъ отцомъ и мною, образовали тотъ свободный, республиканскій духъ, тотъ неукротимый и гордый характеръ, не терпящій ярма и рабства, который мучилъ меня въ теченіе всей моей жизни, въ положеніяхъ, менѣе всего удобныхъ для его полета. Безпрерывно занятый Римомъ и Аѳинами, живя, такъ сказать съ ихъ великими людьми, рожденный самъ гражданиномъ республики и сыномъ человѣка, въ которомъ любовь къ отечеству была главнѣйшею страстью, я вдохновлялся его примѣромъ: считалъ себя грекомъ или римляниномъ, дѣлался лицомъ, жизнеописаніе котораго читалъ; рассказы о подвигахъ постоянства и смѣлости поражали меня, и глаза мои горѣли, голосъ дѣлался громче. Однажды, когда я рассказывалъ за столомъ о подвигѣ Сцеволы, присутствовавшіе испугались, увидѣвъ, что я, желая представить наглядно его поступокъ, приблизился къ жаровнѣ и намѣревался положить на нее руку.

У меня былъ братъ, старше меня семью годами. Онъ учился мастерству отца. Необычайная привязанность, которою я пользовался, была причиною того, что на него обращали меньше вниманія,—и я нисколько не хвалю этого. Недостатокъ ухода отразился и на его воспитаніи. Онъ пустился въ распутство даже прежде, чѣмъ достигъ возраста, въ который можно сдѣлаться настоящимъ развратникомъ. Его отдали къ другому мастеру, но и тамъ онъ предавался шалостямъ точно также, какъ и въ родительскомъ домѣ. Я почти не видалъ его; могу сказать, что почти не былъ даже знакомъ съ нимъ; но тѣмъ не менѣе не переставалъ любить его нѣжно, да и онъ любилъ меня на столько, на сколько кутила можетъ что нибудь любить. Помню, что однажды, когда отецъ въ сердцахъ строго наказывалъ его, я горячо бросился между ними и крѣпко обнялъ брата. Я прикрылъ его своимъ тѣломъ, получалъ назначавшіеся ему удары и такъ упорствовалъ въ этой защитѣ, что наконецъ отецъ долженъ былъ умиловаться,—или потому, что его смягчили мои крики и слезы, или потому, что онъ не хотѣлъ подвергнуть меня побоямъ больше чѣмъ брата. Наконецъ, мой братъ совсѣмъ испортился, убѣжалъ изъ дома и совсѣмъ исчезъ. Нѣсколько времени спустя, мы узнали, что онъ бѣжалъ въ Германію. Мы не получали отъ него ни одного письма и съ тѣхъ поръ не имѣли

никакого извѣстія о немъ. Вотъ какимъ образомъ я остался единственнымъ сыномъ.

Если этого бѣднаго мальчика воспитывали небрежно, то не то было въ отношеніи къ его брату; за царскими дѣтьми не ухаживаютъ такъ усердно, какъ ухаживали за мною въ теченіе первыхъ лѣтъ моей жизни. Всѣ окружающіе обожали меня и всегда (что случается очень рѣдко) обращались со мною, какъ съ любимымъ, но не какъ съ избалованнымъ ребенкомъ. До самаго выхода моего изъ родительскаго дома, ни одного раза не пускали меня бѣгать по улицѣ вмѣстѣ съ другими дѣтьми, никогда не были принуждены искоренять во мнѣ или поддерживать какую-нибудь изъ тѣхъ сторонъ характера, которыя приписываются дѣйствию природы, между тѣмъ какъ онѣ образуются единственно вслѣдствіе воспитанія. У меня были недостатки, свойственные моимъ лѣтамъ: я былъ болтливъ, лакомка, иногда лгунъ. Я могъ красть плоды, конфеты, кушанье; но никогда не находилъ удовольствія въ томъ, чтобы дѣлать зло, причинять кому-нибудь ущербъ или вредъ, мучить бѣдныхъ животныхъ. Однако помню, какъ однажды я помочился въ кострюльку одной изъ нашихъ сосѣдокъ, мадамъ Кло, въ то время, какъ она была въ церкви. Признаюсь, до сихъ поръ воспоминаніе объ этомъ поступкѣ заставляетъ меня смѣяться, потому что мадамъ Кло, вообще очень добрая женщина, была самая ворчливая старуха, какую я когда-либо знавалъ. Вотъ краткая и справедливая исторія всѣхъ преступленій моего дѣтства.

Какимъ образомъ могъ я сдѣлаться злымъ, когда у меня передъ глазами были примѣры только кротости, а вокругъ меня самые лучшіе люди на свѣтѣ? Мой отецъ, тетка, няня, родственники, друзья, сосѣди, всѣ, кто окружали меня, правду сказать не повиновались мнѣ, но любили меня, а я точно также любилъ ихъ. Желанія мои такъ мало возбуждались, такъ скоро удовлетворялись, что мнѣ даже не приходило въ голову имѣть ихъ. Могу поклясться, что до тѣхъ поръ пока я не подпалъ подъ деспотическую власть одного лица, я не зналъ что такое прихоть. Исключая время, которое я проводилъ за письмомъ или чтеніемъ подлѣ отца или въ прогулкахъ съ нянею, я всегда былъ подлѣ тетки, смотрѣлъ какъ она вышивала, слушалъ какъ пѣла, — и былъ доволенъ. Ея веселость, кротость, пріятное лицо оставили во мнѣ такое сильное впечатлѣніе, что я и теперь будто вижу ея фигуру, взглядъ, движенія, помню ея ласковыя рѣчи, могу сказать какъ она была одѣта и причесана, помню даже два завитка изъ черныхъ волосъ на вискахъ, по модѣ тогдашняго времени.

Я увѣренъ, что ей я обязанъ склонностью, или скорѣе страстью къ музыкѣ, которая развилась во мнѣ только долгое время спустя. Она знала необычайное множество арій и пѣсенокъ и пѣла ихъ самымъ нѣж-

нымъ голосомъ. Невозмутимость души этой превосходной дѣвушки отгоняла отъ нея и отъ всего, что окружало ее, скуку и мечтательность. До такой степени очаровывало меня ея пѣніе, что не только многія изъ ея пѣсенъ остались навсегда въ моей памяти, но даже теперь, когда я лишился ея, нѣкоторыя изъ нихъ, забытыя со времени моего дѣтства, возникаютъ въ головѣ моей съ невыразимою прелестью, по мѣрѣ того, какъ я старѣюсь. Можно ли повѣрить, что я, старый ворчунъ, снѣдаемый заботами и волненіями, часто плачу какъ дитя, когда бормочу эти пѣсенки дрожащимъ разбитымъ голосомъ? Была особенно одна изъ нихъ, которой мелодія вполнѣ сохранилась въ моей памяти; но вторая половина словъ постоянно сопротивлялась моимъ усиліямъ вспомнить ее, хотя нѣкоторыя рѣзкія я припоминаю смутно. Вотъ начало ея и все остальное, что я въ силахъ припомнить:

«Tircis, je n'ose
Ecouter ton chalumeau
Sous l'ormeau.
Car on en cause
Déjà dans notre hameau,
.
. un berger
. s'engager
. sans danger;
Et toujours l'épine est sous la rose ¹⁾».

Я ищу причину, почему эта пѣсенка производила такое трогательно-умиляющее дѣйствіе на мое сердце: это капризъ, котораго я рѣшительно не понимаю; но я положительно не могу догнѣть ее до конца безъ

¹⁾ Эта пѣсня была очень извѣстна въ Парижѣ и въ рабочемъ классѣ распѣвается еще теперь. Вотъ она.

Tircis, je n'ose
Ecouter ton chalumeau
Sous l'ormeau;
Car on en cause
Déjà dans notre hameau.
Un coeur s'expose
A trop s'engager
Avec un berger
Et toujours l'épine est sous la rose.

Переводъ: «Тирсисъ, я не смѣю слушать твою свирѣль подъ вязомъ; о томъ ужъ говорятъ въ нашемъ хуторѣ. Сердце подвергается опасности, если оно слишкомъ отдается пастуху, — и всегда шипъ подъ розою».

того, чтобъ слезы не остановили меня. Сто разъ намѣревался я написать въ Парижъ, чтобъ мнѣ отыскали конецъ словъ, если только тамъ остался кто нибудь, кому онъ извѣстенъ. Но я почти увѣренъ, что удовольствіе, которое я ощущаю, припоминая эту пѣсенку, отчасти уменьшилось бы, еслибъ у меня было доказательство, что кромѣ моей бѣдной тетушки Сузанны ее пѣли и другіе.

Таковы были мои первыя привязанности при вступленіи въ жизнь; такъ начали во мнѣ формироваться или высказываться нѣжное и вмѣстѣ съ тѣмъ горделивое сердце и женственный, хотя и неукротимый характеръ, который, постоянно колеблясь между слабостью и твердостью, между изнѣженностью и добродѣтелью, до конца жизни ставилъ меня въ противорѣчіе съ самимъ собою и былъ причиною того, что воздержанность и наслажденіе жизнью, удовольствіе и благоразуміе одинаково не давались мнѣ въ руки.

Этотъ ходъ воспитанія былъ прерванъ случаемъ, послѣдствія котораго имѣли вліяніе на всю мою остальную жизнь. Мой отецъ вышелъ на дуэль съ однимъ господиномъ Готье, французскимъ капитаномъ, имѣвшимъ родственниковъ между членами совѣта. Этотъ Готье, подлый и наглый человѣкъ, струсилъ передъ нимъ и въ отомщеніе обвинилъ отца въ томъ, что тотъ обнажилъ шпагу въ чертѣ города. Мой отецъ, котораго хотѣли заключить въ тюрьму, настаивалъ, чтобы, по закону, вмѣстѣ съ нимъ заключили и обвинителя. Не достигнувъ своей цѣли, онъ предпочелъ покинуть навсегда Женеву, чѣмъ уступить въ такомъ дѣлѣ, гдѣ его честь и свобода казались ему компрометированными.

Я остался подъ опекой дяди Бернара, служившаго по инженерному вѣдомству и трудившагося надъ укрѣпленіемъ Женева. Старшая дочь его умерла, но у него былъ сынъ, однихъ лѣтъ со мною. Насъ отдали въ пансіонъ въ Боссэ, къ священнику Ламберсье, для изученія, вмѣстѣ съ латынью, всего балласта, который присоединяютъ къ ней подъ названіемъ курса образованія.

Два года, проведенные мною въ деревнѣ, смягчили нѣсколько мою римскую суровость и возвратили меня къ дѣтскому состоянію. Въ Женевѣ, гдѣ меня ни къ чему не принуждали, мнѣ нравились уроки и чтеніе, составлявшіе тамъ почти мое единственно развлеченіе; въ Боссэ трудъ заставилъ меня полюбить игры, служившія отдохновеніемъ послѣ него. Дачная жизнь была такъ нова для меня, что я не переставалъ ею восхищаться. Я получилъ къ ней пристрастіе, которое съ тѣхъ поръ никогда не покидало меня. Воспоминаніе о счастливыхъ дняхъ, проведенныхъ тамъ, заставляло меня сожалѣть о нихъ постоянно, даже въ тѣ годы, когда я снова вернулся къ этой жизни. Г. Ламберсье былъ человѣкъ разсудительный, который, не пренебрегая нашимъ образованіемъ,

не обременялъ насъ чрезмѣрными занятіями. Доказательствомъ того, что онъ велъ дѣло какъ слѣдуетъ, служить то, что, не смотря на мое отвращеніе къ принужденію, я никогда не вспоминалъ съ отвращеніемъ о времени моихъ занятій, и если научился у этого учителя немногому, то научился безъ труда и ничего не забывъ.

Простота этой сельской жизни послужила мнѣ въ неоцѣнимую пользу, открывъ мое сердце дружбѣ. До тѣхъ поръ мнѣ были знакомы чувства хотя и возвышенныя, но только придуманныя. Привычка жить вмѣстѣ съ другими соединила меня нѣжною дружбою съ моимъ двоюроднымъ братомъ Бернаромъ. Прошло не много времени, — и я уже питалъ къ нему болѣе нѣжныя чувства, чѣмъ тѣ, которыя имѣлъ къ брату и которыя никогда не изглаждаются изъ моего сердца. Бернаръ былъ высокъ ростомъ, очень строенъ и худощавъ, также добръ сердцемъ, какъ и слабъ тѣломъ, и не слишкомъ злоупотреблялъ предпочтеніемъ, которое ему оказывали въ пансіонѣ, какъ сыну моего опекуна. Наши занятія, игры, вкусы были одни и тѣже: мы были одни, однихъ лѣтъ, каждый изъ насъ нуждался въ товарищѣ; разлучить насъ значило бы до нѣкоторой степени уничтожить насъ обоихъ. Хотя намъ представлялось мало случаевъ доказать другъ другу взаимную привязанность, но эта привязанность была весьма сильная и мы не только не могли оставаться ни одной минуты врозь, но даже и не воображали, чтобъ это могло когда-нибудь случиться. Мы оба легко поддавались ласкамъ, оба охотно исполняли чужія желанія, когда насъ не принуждали къ тому, и всегда во всемъ соглашались. Если вслѣдствіе предпочтенія, которое оказывали ему наши наставники, онъ имѣлъ, въ ихъ присутствіи, нѣкоторое вліяніе на меня, то когда мы оставались одни, — вліяніе переходило на мою сторону и восстанавливало равновѣсіе. Въ классахъ я подсказывалъ ему урокъ, когда онъ не зналъ что отвѣчать; окончивъ свою задачу, помогалъ ему рѣшить заданную ему, а въ нашихъ играхъ моя дѣятельность всегда служила ему руководителемъ. Однимъ словомъ наши характеры такъ подходили одинъ къ другому и дружба, соединявшая насъ, была такъ искренна, что въ теченіе пяти лѣтъ слишкомъ, неразлучно проведенныхъ нами какъ въ Боссѣ, такъ и въ Женевѣ, мы, правда, частенько дрались, но никогда не оказывалось необходимости развести насъ, никогда ссора не продолжалась болѣе четверти часа и никогда ни въ чемъ мы не жаловались другъ на друга. Положимъ, эти замѣтки мелочны, но тѣмъ не менѣе предметъ ихъ представляетъ примѣръ, можетъ быть единственный съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ дѣти.

Образъ жизни въ Боссѣ мнѣ очень нравился, и ему стоило только продлиться, чтобъ совершенно установить мой характеръ. Основаніе этой жизни составляли чувства нѣжныя, любящія, мирныя. Думаю, что ни

одно существо нашего рода не было отъ природы менѣе тщеславно, чѣмъ я. Порою во мнѣ проявлялись возвышеннѣйшіе порывы души, но послѣ этого я тотчасъ же впадалъ въ обычную апатію. Живѣйшее мое желаніе состояло въ томъ, чтобъ меня любили всѣ окружающіе. Я былъ кротокъ, мой двоюродный братъ тоже; такими же были и наши воспитатели. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ я не былъ ни свидѣтелемъ, ни жертвою какого либо насильственнаго поступка. Все поддерживало въ моемъ сердцѣ настроеніе, полученное имъ отъ природы. Ничего не казалось мнѣ милѣе, какъ видѣть другихъ довольными и мною и всѣмъ. Я всегда буду помнить, что когда въ церкви, отвѣчая изъ катихизиса, я забывалъ урокъ и въ смущеніи останавливался, то ничто такъ не волновало меня, какъ безпокойство и огорченіе, которое я замѣчалъ въ это время на лицѣ мадмуазель Ламберсье. Это одно больше тревожило меня, чѣмъ стыдъ показаться неучемъ предъ всѣми, хотя и послѣднее чувство до крайности огорчало меня: мало цѣня похвалы, я всегда опасался стыда, и могу здѣсь сказать, что ожиданіе выговора отъ мадмуазель Ламберсье внушало мнѣ менѣе безпокойства, чѣмъ боязнь ее огорчить.

Впрочемъ, при случаѣ, она, точно также какъ и ея братъ, умѣла быть строгой; но такъ какъ эта строгость, почти всегда справедливая, никогда не переходила границъ разсудка, то я только огорчался, но нисколько не возмущался ею. Мнѣ было болѣе досадно заслужить нерасположеніе, чѣмъ подвергнуться наказанію, и изъясненіе неудовольствія мучило меня больше, чѣмъ дѣйствительное наказаніе. Мнѣ затруднительно объяснить подробности, но это необходимо. Безъ сомнѣнія, многіе измѣнили бы свое обращеніе съ юношами, если бы лучше предвидѣли отдаленныя послѣдствія того обращенія, которое всегда употребляютъ безразлично и часто нескромно. Великій урокъ, который можно извлечь изъ примѣра, столько же обыкновеннаго, сколько и гибельнаго, заставляетъ меня рѣшиться привести его здѣсь.

Мадмуазель Ламберсье любила насъ какъ мать и такъ какъ она въ тоже время пользовалась материнскою властью надъ нами, то когда мы заслуживали этого, она иногда подвергала насъ дѣтскому наказанію. Довольно долго она ограничивалась угрозами, — и эти угрозы наказаніемъ для меня совершенно новымъ, казались мнѣ ужасными: но послѣ приведенія ихъ въ дѣйствіе, я нашелъ это наказаніе менѣе страшнымъ, чѣмъ ожиданіе его и, что страннѣе, оно заставило меня еще болѣе привязаться къ той, которая подвергнула меня ему. Мало того только вся искренность этой привязанности и вся моя природная кротость мѣшали мнѣ не искать случая заслужить снова это наказаніе; потому что въ боли и даже въ стыдѣ я нашелъ какую-то смѣсь чувственности, которая посолила во мнѣ скорѣе желаніе, чѣмъ боязнь быть снова наказаннымъ

тою же самою рукою. Правда, что такъ какъ къ этому ощущенію безъ сомнѣнія примѣшивался какой-то преждевременный половой инстинктъ, то я не былъ бы особенно доволенъ, если бы тому же самому наказанію подвергнулъ меня ея братъ. Но судя по его характеру, нечего было опасаться такой перемѣны въ лицахъ, и если я избѣгалъ случая заслужить повтореніе, то дѣлалъ это единственно изъ боязни разсердить мадмуазель Ламберсье: потому что такое сильное вліяніе имѣетъ на меня всякая благосклонность, даже порожденная чувственностью, что она всегда покоряетъ эту послѣднюю въ моемъ сердцѣ.

Это повтореніе, которое я старался отвратить, нисколько не боясь его, произошло совершенно не по моей винѣ, и я могу сказать, что воспользовался имъ съ самою чистою совѣстью; это повтореніе было однако послѣднимъ; мадмуазель Ламберсье, безъ сомнѣнія замѣтивъ по нѣкоторымъ признакамъ, что наказаніе не соотвѣтствуетъ цѣли, объявила, что отказывается отъ него, что оно для нея очень утомительно. До тѣхъ поръ, мы спали въ ея комнатѣ, а зимою иногда и въ ея постели. Два дня спустя, насъ перемѣстили ночевать въ другую комнату, и съ той поры она оказывала мнѣ честь, отъ которой я легко отказался бы,—обращаться со мной какъ съ большимъ мальчикомъ.

Кто бы могъ подумать, что это наказаніе, полученное восьмилѣтнимъ мальчикомъ отъ тридцатилѣтней дѣвушки, имѣло рѣшительное вліяніе на всѣ наклонности, желанія, страсти всей моей жизни, и притомъ въ смыслѣ, совершенно противномъ тому, какого нужно было ожидать по самому существу вещей? Въ то самое время, какъ во мнѣ пробудились чувственные инстинкты, мои желанія такъ легко удовлетворились, что и не думали стремиться къ чему либо другому. Имѣя въ жилахъ кровь, кипѣвшую чувственностью почти съ самаго дня рожденія, я сохранилъ себя чистымъ отъ всякой грязи до того возраста, когда развиваются самые холодные и поздніе темпераменты. Долгое время мучимый неизвѣстно чѣмъ, я пожиралъ пылающими взорами красивыхъ женщинъ; воображеніе мое непрерывно напоминало мнѣ ихъ, возбуждая во мнѣ единственное желаніе воспользоваться ими по моему и сдѣлать изъ нихъ безчисленное множество дѣвицъ Ламберсье.

Даже и въ возрастѣ возмужалости, при этомъ странномъ, постоянномъ и доведенномъ до нравственной испорченности, до сумасшествія вкусѣ во мнѣ сохранилась чистота нравовъ, которой казалось бы онъ долженъ былъ меня лишить. Никакое воспитаніе не могло быть скромнѣе и цѣломудреннѣе моего. Мои три тетки отличались не только примѣрною разсудительностью, но сдержанностью, съ давнихъ поръ незнакомою женщинамъ. Мой отецъ, охотникъ до наслажденій, но любезникъ старого покроя, никогда не говорилъ при женщинахъ о такихъ

вещахъ, отъ которыхъ могла бы покраснѣть дѣвушка, и ни въ одномъ семействѣ уваженіе къ дѣтямъ не достигало такихъ огромныхъ размѣровъ, какъ въ нашемъ, и въ моемъ присутствіи. Не меньше вниманія въ этомъ отношеніи встрѣтилъ я и у г. Ламберсье, и одна очень хорошая служанка была выгнана изъ его дома за игривое словцо, произнесенное ею въ нашемъ присутствіи. Не только до самаго времени моей возмужалости я не имѣлъ опредѣленнаго понятія объ интимной связи, но представленіе о ней всегда являлось въ моемъ умѣ въ самомъ ненавистномъ и отвратительномъ видѣ. Къ публичнымъ женщинамъ я чувствовалъ отвращеніе, которое никогда во мнѣ не искоренилось; на развратника я не могъ смотрѣть безъ презрѣнія, даже безъ ужаса: до такой степени доходила моя ненависть къ разврату:

Эти предразсудки воспитанія, способные сами по себѣ отдалить первые взрывы легко воспламеняющагося темперамента, были поддержаны, какъ я уже сказалъ, вліяніемъ, произведеннымъ на меня первыми проявленіями чувственности. Рисуя въ своемъ воображеніи только то, что я прочувствовалъ, я умѣлъ устремлять, не смотря на очень безпокойныя возмущенія крови, свои желанія единственно къ тому роду сладострастія, который былъ мнѣ извѣстенъ и никогда не доходилъ въ этихъ желаніяхъ до того сладострастія, которое было мнѣ отвратительно и касалось очень близко перваго совершенно помимо моего вѣдома. Въ моихъ глупыхъ фантазіяхъ, эротическихъ изступленіяхъ и сумасбродныхъ дѣйствіяхъ, совершавшихся иногда въ припадкахъ чувственности, я мысленно прибѣгалъ къ помощи другого пола и никогда не думалъ, чтобы онъ былъ способенъ на какое нибудь употребленіе, кромѣ того, которое я стремился извлечь изъ него со всею горячностью страсти.

Такимъ образомъ, одаренный отъ природы въ высшей степени пылкимъ, страстнымъ и рано-развившимся темпераментомъ, я не только перешелъ за возрастъ возмужалости, не имѣя никакихъ пожеланій и зная только тѣ чувственныя удовольствія, о которыхъ дала мнѣ понятіе мадмуазель Ламберсье, сама того не подозревая; но даже тогда, когда я слѣдался взрослымъ человѣкомъ, все, что казалось должно было погубить меня, точно также спасло меня отъ гибели. Прежнія стремленія дитяти не исчезли, но соединились съ другими до такой степени, что я никогда не могъ отдѣлить ихъ отъ желаній, происшедшихъ вслѣдствіе разгоряченія крови, и это безуміе, поддерживавшееся моею природною стыдливостью, сдѣлало меня очень робкимъ въ отношеніи женщинъ, за неимѣніемъ смѣлости все сказать или все сдѣлать, такъ какъ тотъ родъ наслажденія, въ которомъ другое лицо было для меня только послѣднимъ предѣломъ, не можетъ быть ни на-